

КОМПЛЕКС СУЛТАН УВАЙС БОБО КАК ЦЕНТР «МЕСТНОГО ХАДЖА» В КАРАКАЛПАКСТАНЕ.

Канатова Асель Куатовна

Факультет истории

КГУ имени Бердаха

Актуальность темы. Актуальность историко-этнографического исследования комплекса Султан Увайс бобо обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления феномена локального культа святых и традиционного паломничества (зиярата) в контексте современной религиозной жизни Центральной Азии. На фоне глобализации и трансформации духовных ценностей фиксация, систематизация и анализ живой обрядовой практики становятся первоочередной задачей этнографической науки.

Ключевые слова: Султан Увайс бобо, хребет Султануиздаг, Хорезмский оазис, Увайс Карани, Чинар бобо, Амбар ана, Берунийский район, низовья Амударьи, этнография, зиярат.

Сакральный комплекс Султан Увайс бобо представляет собой уникальный историко-этнографический памятник Центральной Азии. Расположенный уединенно, в низовьях Амударьи на южном склоне хребта Султануиздаг, этот объект веками функционирует как один из крупнейших центров паломничества (зиярата). Название хребта тесно связано с религиозно-мифологическими представлениями региона и восходит к имени Увейса Карани — арабского праведника VII в. н.э. и одного из духовных столпов суфизма, которому местное население позже присвоило уважительный титул «Султан». Письменные упоминания этого святого в хивинских исторических источниках (в частности, в трудах Муниса и Огахий) подчеркивают глубокие корни его почитания в Хорезмском оазисе. Будучи, ярким примером синкретизма и эволюции верований, комплекс Султан Увайс бобо на протяжении XX века регулярно становился объектом этнографических и междисциплинарных изысканий. Этнографическую специфику, легенды, обрядовые практики и материальную культуру этого места в разные годы фиксировали и изучали такие исследователи, как Л. Коппек (1949 г.), Купцов, Пчельников К., Селезнева (1950 г.), выдающийся этнограф Г. П. Снесарев (1950–1960 гг.), заложивший основы изучения хорезмских культов, а также Л. Маньковская (1969 г.), А. А. Хроменко, М. С. Кадыров (1977 г.), С. Кабилов, Г. Фомич и З. Ньюкина (1980 г.). Полевые наблюдения ученых были закреплены архитектурными обмерами, составлением генплана и фотофиксацией комплекса, что позволило точнее локализовать зоны ритуальной активности. С этнографической точки зрения ансамбль Султан Увайс бобо примечателен тем, что возник на месте древнейшего доисламского святилища Хорезма.

общерегионального значения, ритуалы которого были позже адаптированы исламом. Традиционный маршрут паломников наглядно отражает народную иерархию святых: сначала паломники посещают мазар Чинар бобо (считающегося духовным наставником — устазом Султан Увайса), а затем направляются к месту, связанному со святой Амбар ана (покровительницей женщин), и к хаузу (священному водоему), где бездетные женщины совершают ритуалы. Настоящая статья посвящена этнографическому анализу этого культового комплекса. На основе интеграции письменных свидетельств, полевых наблюдений предшественников (Маньковской, Снесарева, Стеблюка и др.) и анализа сохранившихся обрядовых традиций, работа ставит целью исследовать многовековую историю функционирования мазара, его роль в системе мусульманского мистицизма (тасаввуфа) и специфику локального культа святых в Нижней Амударье.²⁶

Исследуя причины, по которым мавзолей Султана Увайса аль-Карани в Берунийском районе Каракалпакстана приобрел статус сакрального центра регионального масштаба, невозможно ограничиться лишь его исламской историей. Историко-этнографический анализ показывает, что исключительная популярность этого места уходит корнями в глубокую древность.

Как справедливо отмечал выдающийся советский этнограф Г. П. Снесарев, в непосредственной близости от столичных центров античного и раннесредневекового Хорезма, в уникальных географических условиях горного хребта Султануиздаг, задолго до прихода ислама процветало мощное «языческое» капище регионального порядка. Значение этого святилища в домусульманской жизни местного населения было настолько колоссальным, что зарождающийся ислам не смог его ликвидировать. Единственным выходом для мусульманских миссионеров стала легитимизация этого пространства путем замещения древнего духа-покровителя социально и религиозно одобряемой фигурой — великим йеменским праведником и табином Вайсом аль-Карани. Снесарев подчеркивает фундаментальный характер этого процесса, сравнивая генезис хорезмского комплекса с формированием знаменитого некрополя Шахи-Зинда в Самарканде.

Живучесть и устойчивость этого доисламского пласта подтверждаются целым комплексом уникальных ритуальных и этнографических пережитков, зафиксированных учеными:

Священные рыбы и магия исцеления водой: бассейн (пруд) со святой водой, наполняемый родником, населен рыбами, к которым паломники относятся с религиозным трепетом. Примечательно, что в случае их естественной гибели

²⁶ СУЛТАН УВАЙС БОБО (некоторые новые археологические материалы) Хожянизов Г.. Хакимнизов Ж. Вестник Каракалпакского государственного университета имени Бердаха 2(31) 2026. 60-62 стр.

верующие совершали над ними полноценный погребальный обряд по человеческим канонам, что напрямую отсылает к реликтам древнего почитания водной стихии и богини Анахиты.

Священные животные и культы дикой природы: ритуальные шествия к нагромождениям скал (легендарному «священному зубу» святого), а также верования в мифическую дикую козу, спускающуюся с гор к месту поклонения, демонстрируют синкретизм ислама с архаичными тотемическими представлениями жителей Приаралья.

Древние обряды для умиротворения и привлечения милости высших сил: традиция приношения в жертву домашних животных, обвязывание ветвей деревьев и кустарников цветными лентами и тряпицами (*лакка*), а также придание магических свойств природным промоинам и ямам в русле сая.

Следы древнего анимизма и традиции поклонения предкам: сохранение смутных представлений о растительном божестве «Чинарбобо» и функционирование вокруг мазара многовекового гигантского некрополя, куда на протяжении столетий свозили умерших со всего Хорезмского оазиса.

Таким образом, наложение высокой суфийской концепции духовной преемственности («Увайсийа») на мощнейший архаичный фундамент локальных обрядов умиловительного характера создало уникальный сплав. Именно этот глубокий синкретизм обеспечил комплексу Султан Увайс Бобо непререкаемый авторитет в народных массах, сделав его идеальным ментальным и обрядовым базисом для функционирования института «местного хаджа» в последующие исторические периоды, включая эпоху советских антирелигиозных ограничений». ²⁷

В советский период положение комплекса **Султан Увайс Бобо** было сложным, драматичным и полностью отражало жесткий характер государственно-конфессиональной политики СССР. В советский период (1917–1991 гг.) комплекс Султан Увайс Бобо столкнулся с беспрецедентным идеологическим и административным давлением. В рамках общесоюзных антирелигиозных кампаний мазар был официально закрыт, его экономическая (вакуфная) база ликвидирована, а традиционные ритуалы объявлены «вредными суевериями». Однако, как показывают этнографические отчеты Г. П. Снесарева, административные запреты привели не к исчезновению культа, а к его уходу в подполье. Географическая изоляция хребта Султануиздаг способствовала тому, что мазар стал нелегальным убежищем исламской идентичности. В условиях тотального запрета на выезд в Мекку, население Приаралья превратило Султан-бобо в ключевой узел тайного „местного хаджа“, где вопреки атеистическому надзору воспроизводились суфийские практики ордена Увайсийа и сохранялась непрерывность религиозной традиции вплоть до эпохи Независимости.

²⁷ Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии / Отв. ред. Т. А. Жданко; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1983

Установление советской власти в Хорезмском оазисе и последующее вхождение Каракалпакстана в общесоюзное идеологическое пространство радикально изменили государственно-конфессиональную политику в регионе. Масштабные антирелигиозные кампании 1920–1930-х годов, сопровождавшиеся массовым закрытием мечетей, репрессиями против духовенства и полной ликвидацией вакуфной (экономической) базы ислама, нанесли мощный удар по официальным религиозным институтам. Ситуация усугубилась установлением режима «железного занавеса», который фактически заблокировал для абсолютного большинства мусульман СССР возможность совершения классического хаджа в Мекку и Медину.

В этих жестких административных и геополитических условиях традиционная религиозность населения низовьев Амударьи не исчезла, а трансформировалась, уйдя в сферу «народного ислама». Ключевым компенсаторным механизмом, позволившим сохранить мусульманскую идентичность и непрерывность обрядовой практики, стал институт зиярата — паломничества к локальным святым местам. Центральным узлом этой системы сакрального замещения в Каракалпакстане выступил комплекс Султан Увайс Бобо (Увайса аль-Карани), расположенный в Берунийском районе.

Будучи по своему генезису глубоко синкретичным объектом, вобравшим в себя как высокую суфийскую философию преемственности (*увайсийа*), так и мощные архаичные пласты доисламских культов гор и воды, это святилище обладало колоссальным авторитетом в народных массах. В условиях советских ограничений мазар Султан-бобо взял на себя функции «местного хаджа», превратившись в альтернативное, неконтролируемое государством пространство. Преодоление трудностей пути через пустыню к хребту Султануиздаг, ритуальный обход мавзолея (*таваф*) и восхождение на священные скалы ментально приравнивались верующими к полноценному паломничеству в Хиджаз.

Изучение советского периода в истории комплекса Султан Увайс Бобо позволяет раскрыть уникальные адаптационные стратегии верующих — от транспортной мимикрии до камуфляжа мусульманских ритуалов под легитимные семейно-бытовые традиции. Несмотря на официальный статус «закрытого объекта» и яростную атеистическую пропаганду, мазар Султан-бобо оставался живым, действующим ядром религиозной жизни Приаралья, сохранив основы традиционной исламской идентичности вплоть до восстановления независимости Республики Узбекистан.

Транспортная маскировка и «семейный отдых»

Прямых автобусных рейсов или официальных маршрутов «на мазар» в советское время, разумеется, не существовало. Власти отслеживали скопления людей.

Выезды «на природу»: Паломники заказывали грузовики или договаривались с водителями колхозных машин. Поездка официально декларировалась перед председателями колхозов или сельсоветов как «семейный выезд на пикник», «отдых у

гор», «сбор целебных трав» или «посещение дальних родственников» на правом берегу Амударьи.

Пешие и конные переходы: Жители близлежащих районов Каракалпакстана и Хорезмского оазиса часто добирались до хребта Султануиздаг поодиночке или мелкими группами (по 2–3 человека) пешком или на ослах/лошадях через пустынные тропы, чтобы не привлекать внимания милиции на дорогах.²⁸

2. Камуфляж ритуалов под «семейно-бытовые традиции»

Поскольку за открытые молитвы и организацию религиозных собраний можно было получить штраф или уголовный срок, религиозные обряды маскировались под бытовые события:

Ас-худои (поминальные обеды): Паломники привозили с собой жертвенных животных (баранов или петухов). Если к ним подходила проверка, они утверждали, что проводят обычные традиционные поминки (*худои*) по умершему дедушке или празднуют рождение ребенка, что формально советскими законами не запрещалось.

Магия исцеления вместо богослужения: Привоз к мазару тяжелобольных, немых или душевнобольных детей объяснялся «народной медициной». Верующие говорили проверяющим, что приехали просто омыть ребенка водой из родника и подышать горным воздухом. [1]

3. Использование географических особенностей ландшафта

Огромная территория древнего некрополя и сложный рельеф гор Султануиздаг играли на руку верующим.

Из-за того, что святые места были разбросаны (мавзолей — на склоне холма, могила Чинарбобо — на вершине, священный сай — в низине), паломники никогда не собирались в одну большую толпу. Они рассредотачивались по скалам и оврагам. При появлении уполномоченного по делам религий шейхи и паломники мгновенно прятались в многочисленных пещерах, ущельях или уходили на территорию гигантского кладбища, где их было невозможно отыскать.

Таким образом, комплекс Султан Увайс Бобо в Берунийском районе исторически трансформировался из локального суфийского мазара в мощный жизнеспособный институт «замещающего хаджа», став главным духовным стержнем и защитным механизмом сохранения традиционной религиозной идентичности населения Низовьев Амударьи.

²⁸ Бабаджанов Б. М. Ислам в Узбекистане: от советского прошлого к независимому настоящему. — Ташкент: Мухаррир, 2021

Список литературы:

1. СУЛТАН УВАЙС БОБО (искоторыс новыс археологические материалы) Хожяниизов Г., Хакимниизов Ж. Вестник Каракалпакского государственного университета имени Бердаха 2(31) 2026.
2. Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии / Отв. ред. Т. А. Жданко; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1983.
3. Бабаджанов Б. М. Ислам в Узбекистане: от советского прошлого к независимому настоящему. — Ташкент: Мухаррир, 2021
4. Маньковская, Л. Ю. Памятники зодчества Хорезма / Л. Ю. Маньковская, В. А. Булатова. – Ташкент : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978.
5. Снесарев, Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма / Г. П. Снесарев ; Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1969.

